

Композитор Татьяна Николаева

ДЕВОЧКА жила в мире гармонических звуков с рождения. Днем к матери-пианистке приходили ученики. Вечерами в квартире собирались друзья отца, врач-бактериолог, такие же, как он, страстные любители и знатоки музыки. В три года она играла с куклами «в учительницу» и по слуху повторяла на рояле несложные упражнения. К четырем — с острой радостью узнавала трио Чайковского, квартет Бетховена. Через год мать стала учить ее музыке, а шести лет Таня впервые выступила публично в большом клубе перед жителями своего города — старой рабочей Бежицы — и беспокоилась лишь об одном — как надо кланяться.

Таню любили в семье, ей было хорошо в школе, в родной стране. В 1936 году, когда фашисты залили кровью города революционной Испании, школьники Бежицы писали тогда горячие письма испанским детям, отмечали на карте флажками линию фронта и, как могли, выражали любовь к далекому испанским борцам за свободу.

Таня читала сводки в газетах и в свои 12 лет начинала понимать, что не везде еще так ясно и безоблачна жизнь, как в ее стране, что фашизм — это насилие и смерть. Свои чувства негодования, протеста она вылила в музыку, написав две фортепианные пьесы. Детские произ-

ведения говорили о большом даровании. Девочку надо было учить. И мать увезла ее в Москву.

На приемных испытаниях в музыкальной школе консерватории Таня сыграла и свои сочинения. Ее воспитанием занялся профессор А. Б. Гольденвейзер — учитель матери. Это была великодушная исполнительская школа. Профессор знакомил учеников с музыкой крупнейших композиторов и требовал упорного, самоотверженного труда. Татьяна Николаева окончила школу и перешла в консерваторию в первый год Великой Отечественной войны.

Пионерка, а затем комсомолка, она

считала музыку своим оружием и помогала Родине, как могла. Эту хрупкую девушку с бледным, строгим лицом и сосредоточенным взглядом темных глаз под разлетающимися бровями знали во всех госпиталях Саратова, где находилась тогда консерватория. Серьезная, полная глубокой мысли и больших чувств игра Николаевой доставляла людям большую радость.

Таня много работала, совершенствовала мастерство пианистки. В ней рождались и зрели музыкальные образы, теснили сердце, рвались на свободу.

В 1943 году она пошла к профессору Е. К. Голубеву и сказала, что хочет заниматься у него композицией. Евгений Кириллович с сомнением оглядел хрупкую девушку: сможет ли она учиться на двух факультетах?

Девушка смогла. Профессор А. Б. Гольденвейзер, который учил ее и в консерватории, писал, что о Татьяне Николаевой «уже сейчас можно говорить, как о вполне сложившемся музыканте исключительных способностей. Прежде всего поражает ее феноменальная музыкальная память. Репертуар Николаевой обширен и чрезвычайно разнообразен, — он включает произведения русской классической музыки, советских композиторов, сочинения западноевропейских композиторов-классиков. Все это Николаева играет наизусть, с необычайной быстротой, в течение нескольких дней выучивая сложнейшие сочинения... Отличительными свойствами молодой пианистки является тонкое проникновение в замысел и стиль исполняемого произведения, безукоризненный вкус... Внутренняя значительность музыкального произведения бесконечно ближе и дороже ей внешнего, пусть даже виртуозного блеска».

Курс по классу фортепиано Татьяна Николаева окончила в 1947 году с отличием — ее имя занесли на Доску почета консерватории. Но,

продолжая занятия композицией, она одновременно начала учиться и в аспирантуре, участвовала в конкурсах. Ей присуждена первая премия за исполнение произведений Скрибина. На Праздском фестивале молодежи 1947 года она заняла второе место, а на Лейпцигском конкурсе памяти Баха — первое.

Это была победа не только Николаевой. Победа пришла не только потому, что пианистка отлично сыграла прелюдии и фуги, входящие в знаменитый «Хорошо темперированный клавир». Но и потому, что там, в Лейпциге, в 1950 году соревновалось искусство разных миров — стран умирающего капитализма и солнечной социалистической страны.

Нельзя сказать, что в Европе нет отличных пианистов, преодолевших трудности баховского письма. Но каким жалким, уродливым представало их толкование той музыки, в которой Жан Кристоф Ромэн Ролана «...слышал бушевание широкой, как океан, души Иоганна-Себастьяна Баха... дивный клад мислей, страстей, музыкальных форм, героической жизни, шекспировских видений».

Своей вдохновенной артистической игрой советская пианистка показала не обескровленного аскета, каким сделали Баха на Западе, а могучего жизнелюба, потрясающего величием мысли, человечности чувств и глубокой народностью — подлинного Баха.

Победило жизнеутверждающее искусство СССР, и слетели все путы условностей. Холодно корректные слушатели, вопреки традициям, неистово рукоплескали Николаевой после каждой вещи.

В этом же году, кончая курс композиции, Татьяна Николаева закончила дипломную работу — кантату «Песнь о счастье» и концерт для фортепиано с оркестром. Первое крупное произведение молодого композитора было посвящено профессору Е. К. Голубеву.

Года за два перед этим Т. Николаева пришла к нему и сказала:

— Я хочу написать концерт.

— Концерт? Но это очень трудно, Таня.

Девушка ответила просто, спокойно, как говорят о давно продуманном и решенном.

— Да, я знаю.

Над концертом она работала два года с неиссякающим подъемом и упорством. Профессор внимательно следил за первыми творческими взлетами своей ученицы, иногда хвалил, иногда безжалостно критиковал, но всегда готов был помочь советом и дружеским участием.

Празднично светлая, то нежная, лирическая, то поднимающаяся до высот пафоса музыка фортепианного концерта Николаевой волнует своим народным характером, силой и искренностью горячих чувств, поэтическим ощущением природы, молодым задором и страстью свободного, «крылатого» человека советской страны.

На экзамене Татьяна Николаева получила за концерт пятерку. На открытии сезона 1950/51 года в филармонии финал произведения, задуманный как народный праздник, пришлось повторять, а растроганные оркестранты преподнесли автору цветы.

За исполнительскую деятельность и за фортепианный концерт Татьяне Петровне в прошлом году присуждена Сталинская премия первой степени.

Ее прекрасную игру знают во многих городах нашей Родины. Как посланца советского народа, ее слушали не раз в Чехословакии и Финляндии, в Румынии и Германии, в Австрии, Норвегии, Швеции. Искусство талантливой пианистки и композитора принадлежит народу, ибо оно продолжает лучшие традиции нашей музыкальной культуры.

Л. Воронцова.

НА СНИМКЕ: Татьяна Николаева.

